

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10041
УДК: 7.06

А.Т. Салимова
Азербайджанский архитектурно-строительный университет
ул. Айна Султановой, д. 11, г. Баку, Азербайджан, AZ1073
aytansalimova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-6730>

Архетипы коня и оленя в культуре Азербайджана

Аннотация

Народы, населявшие территорию Азербайджана в конце V — начале IV тыс. до н.э., уже разводили коней. Интерпретация образа коня, рассмотрение его коммуникативной роли способствуют более адекватному пониманию археологических находок, наскальных изображений и других источников изучения жизнедеятельности древних обществ эпохи бронзы, отразившихся в материальной культуре и в последующий период. Интересно также представление в мифологии оленей. Олень являет собой древний тюркский символ мироустройства. В начальном мировоззрении азербайджанцев в ряду многочисленных образов тотемов животных и птиц присутствовала мать — Рогатая олениха (Ана марал). Корни культа таятся в древнейшем евразийском мифе о Небесном охотнике и Маралухе. На территории древнего Азербайджана можно найти следы культа Ориона и проследить древние мифологические истоки тюркской общности.

Ключевые слова: конь и олень, Азербайджан, культ Ориона, марал, три маралухи, Небесный охотник

A.T. Salimova
Azerbaijan University of Architecture and Civil Engineering
Ayna Sultanova Street, 5, Baku, Azerbaijan, AZ1073
aytansalimova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-6730>

Archetypes of horse and deer in the culture of Azerbaijan

Abstract

The peoples who inhabited the territory of Azerbaijan between 5000 and 4000 BC already bred horses. Interpretation of a horse image, analysis of its communicative role contribute to a more adequate understanding of archaeological finds, cave paintings and other sources to study ancient societies of the Bronze Age. All this was reflected in material culture in the subsequent period. The representation of the deer mythology is also interesting. Deer is an ancient Turkic symbol of the world order. In the initial worldview of Azerbaijanis, among the numerous images of totems of animals and birds, there was a mother — the horned deer «ana-maral». The roots of the cult are hidden in the ancient Eurasian myth of Heavenly Hunter and Maralukh. On the territory of ancient Azerbaijan one can find traces of the cult of Orion and follow the ancient mythological origins of the Turkic community.

Key words: horse, deer, Azerbaijan, the cult of Orion, Maral (the Caspian Red deer), the “three female Maralukhs”, the Heavenly Hunter

Введение. Азербайджан — один из древнейших очагов цивилизации, страна с богатой и древней историей, где на протяжении многих тысячелетий было создано богатое культурное наследие, вошедшее в сокровищницу мировой культуры. Данные материальной культуры свидетельствуют о богатстве культуры и духовного мира наших предков. Археологические исследования на территории Азербайджана начались давно,

и именно здесь впервые во всем Восточном Закавказье были обнаружены основные памятники эпохи неолита и халколита (Кюльтепе, Шомутепе, Шулавери, Аликемектепеси и Лейлатепе). Гобустанские петроглифы (IV–II тыс. до н.э.) и петроглифы Гямигая несут в себе глубинные пласты древнетюркских и прототюркских космогонических воззрений, и это не только потому, что многие наскальные изображения однородны с

сюжетами, высеченными на камнях Алтая, Урала, Туркестана, просто само название Гобустан тесно связано с алтайскими легендами.

Стратегическое положение территории древнего Азербайджана (включая территории Иранского Азербайджана — провинции Ардебиль, Восточный и Западный Азербайджан, Зенджан), через которую шли крупные торговые пути, способствовало взаимодействию с древневосточными культурами. Все это самым непосредственным образом отразилось на создаваемой веками культурной среде. Переплетение культур проявляется в многообразии наследия — истоки прослеживаются начиная с древней первобытной культуры, включающей и мифологию, и наскальные изображения, ювелирные украшения, памятники архитектуры.

Содержание. В Азербайджане в первобытный период конь играл большую роль в жизни населения, являлся воплощением и животным богини-матери, а затем и других богов. Был носителем и символом плодородия, удачи, часто «участвовал» в борьбе со злыми силами, играл роль в погребальном культе «перевозчика» умершего [Рзаева, 2011, с. 197]. Нам известно, что народы, населявшие территорию Азербайджана в конце V тыс. — начале IV тыс. до н.э., уже разводили коней. Об этом также свидетельствуют петроглифы Гямигая (от IV–I тыс. до н.э., Нахичевань). В поселении эпохи энеолита Аликемектепеси были найдены черепа и ряд других костей лошади: были обнаружены кости представителей двух по-

род лошадей: тяжелых и легких — древние жители поселения Аликемектепеси (поселение энеолита, Джалилабадский р-н, Азербайджан) в конце V — начале IV тыс. до н.э. сумели приручить лошадей [Джафарова, 2012, с. 71]. Общепринято, что население Кавказа «познакомилось с коневодством еще в III тыс. до н.э. — как известно, кости коня были найдены на Северном Кавказе на поселениях Майкопской культуры (правда, они составляют всего 0,4% остеологического материала)» [Там же, с. 73]. Мы можем на основании археологических материалов говорить о том, что в Аликемектепе в последний период энеолита выявлен факт приручения лошади. Следовательно, Азербайджан можно включить в «первичную зону одомашнивания лошадей» [Там же, 2012, с. 71]. Об этом также свидетельствуют петроглифы Гямигая. Кроме того, в Кюльтепе I и Кюльтепе II (Нахичевань) [Там же, 2012, с. 72], в поселениях Узерлик-тепе (период эпохи средней бронзы) и Шахтахты среди остеологических остатков были выявлены лошадиные кости.

По представлениям людей эпохи бронзы, душа совершала путешествие в иной мир не непосредственно на коне (как в более поздние эпохи), а на колеснице, запряженной двумя лошадьми. Среди погребальных памятников Южного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа М.Н. Погребова выделяет группу курганов, характеризующихся захоронением коня вместе с человеком, использованием деревянных конструкций в могильной яме и следами

Ил. 1. Каменное изваяние лошади. XVI в. Лачин. Национальный музей искусств Азербайджана
Fg. 1. Stone statue of a horse. 16th century. Lachin. National Museum of Art of Azerbaijan

огня — в эту группу были включены 11 курганов, расположенных недалеко от Гянджи, три кургана около Ханлара, пять курганов Мингечевира и курганы у селений Баллукая, Ханкенди и Сирхавенд (Нагорный Карабах), а также курган в Ходжалы [Погребова, 1977, с. 114–140]. Почти во всех курганах Гараджамирли (Шамкир) эпохи поздней бронзы — раннего железа обнаружены останки коней, конская утварь, украшения и детали колесниц — самое раннее свидетельство использования на Кавказе коня, запряженного в колесницу [Гусейнова, Ахундов, 1999, с. 57], что говорит об их использовании в погребальном обряде. Следует отметить керамический сосуд в форме коня из Мингечевира (Азербайджан) и сосуд из Хыныслы (1 тыс. до н.э., Азербайджан), две глиняные фигурки коней обнаружены в раннебронзовом слое Кюльтепе I и одна — в поселении эпохи ранней бронзы Махта I (Нахчыван) [Джафарова, 2012, с. 72], многочисленные бронзовые подвески (подвеска из Агсу (III–I вв. до н.э., бронза, литье).

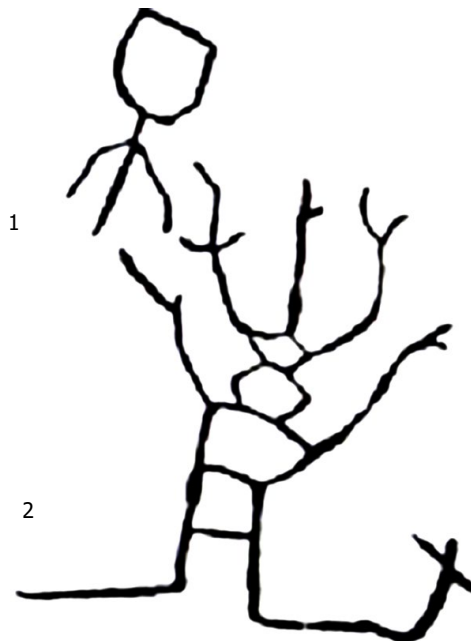
Интерпретация образа коня, рассмотрение его коммуникативной роли способствуют более адекватному пониманию археологических находок, наскальных изображений и других источников изучения жизнедеятельности древних обществ эпохи бронзы, отразившихся в материальной культуре и в последующий период. Коммуникативная функция состояла в том, что образ коня выступал как своеобразное «средство связи» с иным миром, что явно прослеживается в декоре могильных памятников Азербайджана [Гаджиева, 2016]. Становится ясно, что образ коня служил проводником душ умерших, а принесение его в жертву можно рассматривать как один из способов общения с иным миром.

На территории Азербайджана с древности были распространены каменные изваяния коней (Гянджа, село Малыбейли Лачинский р-н, XVI в., Нахичевань, Агдам, Кедабек) (ил. 1). Почти все фигуры каменных изваяний в виде коня имеют богатый декор, представляющий собой полный комплект конского снаряжения (уздечные наборы, подпруги, стремена, седла и др.), под седлом выделяется орнаментированный «чул» — попона. Можно отметить каменное изваяние коня, стоявшее на Кельбаджарском кладбище (до армянской оккупации), надпись на котором указывает на то, что он был установлен в 1870 г. над могилой Оруджа из племени Фарахканлу (племя Фарахканлу составляло часть объединения Карачорлу) [Нейматова, 1981, с. 34]. Таким образом, население Азербайджана соблюдало эту традицию предков с V в. до н.э. до конца XIX в. н.э., в течение почти 2500 лет [Халилов, 1986, с. 35]. Образ лошади как перевозчика душ проявлял себя и в традиции

Ил. 2. Петроглиф. Гобустан, Беюкдаш.
Камень № 118
[Фараджева, 2009]

Fig. 2. Petroglyph. Gobustan, Boyukdash.
Stone No 118
[Faradzheva, 2009]

Ил. 3. Петроглиф. Апшерон
[Фараджева, 2009]

Fig. 3. Petroglyph. Absheron
[Faradzheva, 2009]

средневекового Азербайджана прикреплять к куполам культовых сооружений и к надгробным памятникам лошадиные хвосты в качестве оберега [Эфенди, 1986, с. 10–12], что также прослеживается в культуре народов центральной Азии, в частности у монголов.

В традициях всех индоевропейских народов конь был главным священным животным. Его культ прослеживается по всему ареалу распространения индоевропейской культуры. У древних иранцев конь выступал ипостасью бога Солнца и света Митры [Иванов, 2003], который вместе с верховным божеством Ахура-Маздой и богиней воды и

плодородия Анахитой занимали центральное место в пантеоне [Гаджиев, 1997, с. 72]. Следует отметить, что мифологический образ Митры полисемантичен: он не только космократор и демиург природного мира, но и посредник между высшим божеством (Ахура-Маздой-Юпитером) и человечеством. Как отмечает Страбон, эту же триаду почитали и в Кавказской Албании. Широко распространено рельефное изображение на хачдашах¹ Кавказской Албании всадников, большинство которых — это воины в шлемах, вооруженные копьями, мечами, луками с колчанами.

Интересное слияние образов коня и оленя прослеживается в культуре Азербайджана. Так, в захоронении кургана Гараджамирли эпохи поздней бронзы — раннего железа в орнаментации одного из сосудов кургана № 5 имеется интересный сюжет, выполненный белой пастой и состоящий из двух фризов, где в верхнем фризе изображены четыре колесницы с треугольным кузовом и большими многоспицевыми (10–13) колесами, запряженными оленем [Погребова, 2009, с. 114–116]. Исследователи курганов Гараджамирли связывают запряжку оленей в колесницу с упоминанием такой практики в «древних индийских мифах» и рассматривают изображение на сосуде как свидетельство заимствования колесниц на Кавказе из Южной Сибири [Там же]. Но прежде всего — здесь налицо общность мифологических сюжетов.

Многие исследователи отмечают, что мотив оленя как «центрального для скифского искусства в Причерноморье и на Кавказе, для искусства саков Средней Азии и родственных им по культуре племен Южной Сибири имеет одну и ту же семантическую нагрузку — «зооморфный символ и олицетворение солнца» [Окладников, Запорожская, 1970, с. 115]. Н.Л. Членова говорит о распространении оленьих мотивов далеко на восток с VI–V вв. до н.э., связывая его с сакским влиянием и отмечая, что в послесакскую эпоху изображения оленей вновь почти полностью исчезают на этом пространстве [Членова, 1962]. И действительно, рассматривая изображения оленей на территории Минусинской котловины и Алтая, мы видим, что в первом Пазырыкском подкурганном срубном погребении скифосакского происхождения (алтайские степи), на одной из захороненных лошадей была маска, увенчанная оленьими рогами, сделанными из кожи — в этом случае конь сменил оленя, но представление о том, что олень должен присутствовать при сопровождении покойного в загробный мир, осталось [Питровский, 1992, с. 12]. Вполне возможно, что «синкретический образ (как козерог и

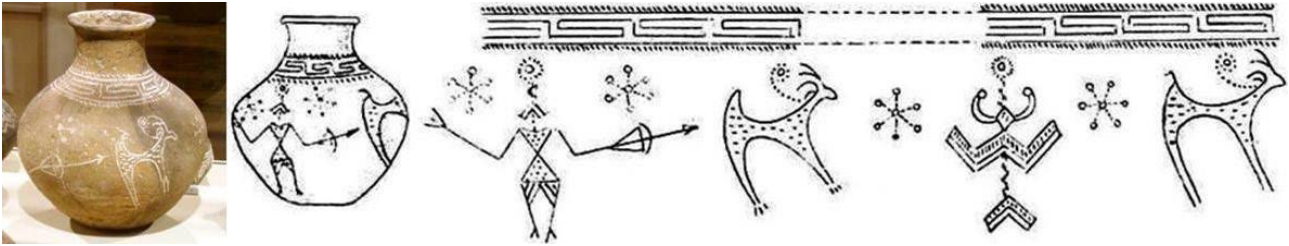
лошадь в отдельности) был универсальным символом солнца и верхнего мира для всех центрально-азиатских кочевников» [Головченко, 2012]. Олень-козерог и конь-козерог, вероятно, взаимозаменяемые священные образы пазырыкцев, которые, как и у других индоевропейских народов, сопровождали умерших в иной мир [Там же].

В подкурганном срубном погребении у Ханлара (XV–XIV вв. до н.э.; Азербайджан) Я.И. Гуммелем была зафиксирована повозка с впряженными в нее двумя оленями, где, в частности, обнаружены скелеты двух оленей, положенных по сторонам дышла деревянных повозок или саней [Гуммель, 1992, с. 9]. Среди скелетов животных, окружавших повозку, один принадлежал лошади. Обнаружение бронзовых штандартов на роговидных подставках в виде оленей, помимо курганов Гараджамирли, в Дашюзском грунтовом погребении [Мухтаров, Сурхаев, 2004, с. 31], а также в погребении с «оленьями» близ Ханлара [Гуммель, 1992, с. 5–12] может свидетельствовать о существовании на территории Азербайджана в этот период культа оленя, несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, Ханларское погребение с «оленьями» стоит особняком среди древних памятников Закавказья [Там же]. Следует отметить, что сегодня датировка этого комплекса XV–XIV вв. до н.э. в свете современных исследований стыкуется с датировкой рассмотренных памятников Азербайджана [Сурхаев, 2005]. Анализ «предметов вооружения и другого инвентаря из этих курганов — прежде всего нехарактерной для развитой ступени эпохи поздней бронзы чернolощеной керамики, а также выявленные аналогии позволяют датировать данные комплексы ранней ступенью эпохи поздней бронзы, т.е. XV–XIV вв. до н.э.» [Там же].

Очень интересно исследование Н.Н. Гуриной [1961, с. 141] о смысловом соотношении образов лося и змеи в оленеостровской культуре, согласно которому лось является покровителем мужчин, а змея — женщин, что свидетельствует о том, что и змея, и лось в оленеостровских традициях были космическими символами, олицетворяющими оплодотворение, способствующими возрождению силы природы. Не отрицая значимости этого вывода, можно говорить о локальном варианте рассматриваемой религиозно-космогонической системы.

Исследователь петроглифов Азербайджана М. Фараджева [2009, с. 201] отмечает, несмотря на немалое количество изображений оленей на петроглифах Гобустана (гора Джингирдаг, холм Язылы, камни № 4, 9, 92, 33, 54; гора Буюкдаш, верхняя терраса, камень № 46; нижняя терраса, камень № 10), малочисленность находок оленьих костей в культовых пещерах. И в то же время по «на-

¹ Христианские надгробные памятники, вертикальные стелы периода Кавказской Албании.

Илл.4. Сосуд. Киликдагский могильник. Ханлар. II тысячелетие до н.э. Музей истории Азербайджана [Гусейнова, 1989]

Fig. 4. Vessel. Kilikdag burial ground. Khanlar. 2nd millennium BC. Museum of Azerbaijan History [Guseynova, 1989]

скальному изображению пятнистого оленя на камне № 24 на верхней террасе горы Беюкдаш в Гобустане можно судить о существовании вида пятнистых оленей в позднелайстоценовую эпоху (прим. 150 тыс. лет назад) [Рустамов, Мурадова, 1971; 1984]. Олень встречается в останках верхнечетвертичных находок на острове Пир-Аллахи (Абшерон), где обнаружены кости и черепа оленя, близкого к современному кавказскому типу оленей [Фараджева, 2009, с. 201]. Большое количество костей оленей было обнаружено во время археологических раскопок культурных слоев ранней и средней бронзы на территории Нахчевани [Там же].

Олень — участник ритуальных сцен охоты (гора Беюкдаш, верхняя терраса, камень № 59, также камень № 118 (илл. 2): известно, что во время ритуальных танцев начиная с периода энеолита шаманы или вожди надевали маски тотемов — священных зверей. На петроглифах Азербайджана в Гобустане (Беюкдаш, камни № 66, 67 (IV тыс. до н.э.) и Гямигая (камень № 63) сохранились изображения ритуальных танцев с использованием «рогатой» маски [Фараджева, 2009, с. 264].

В одном из кувшинных погребений Мингячевира обнаружен красноглиняный, культовый ритон, украшенный изображением головы оленя. В селении Наргизава (Ахсуинский р-н) обнаружено украшение, изображающее марала и припаянного к его задним ногам и рогам орла — как отражение мотива древнего мифа, демонстрирующая взаимосвязь неба-вселенной с землей [Кафарлы, 1999].

В первобытном обществе животное с древовидным изображением на голове символизировало связь человека с космосом, вполне возможно, что сюда включалась семантика солнца и мирового древа. Этот сюжет прослеживается в наскальных рисунках Гобустана, Абшерона, Кельбаджар и Гямигая, на глиняной посуде и украшениях эпохи бронзы, на Ходжалинских бронзовых поясных пряжках, в керамике поздней бронзы Киликдагского и Хаиларского курганов [Гаджиева, 2016]. Широкое распространение образа оленя на керамических изделиях из курганных погребений разных регионов

Азербайджана говорит о его почитании как священного, образ которого возник на ранних этапах формирования мифотворчества [Там же]. Это приводит к выводу, что олень является неприкосновенным тотемом, священным среди древних насельников Азербайджана.

Можно отметить и то, что изначально мировоззрении азербайджанцев в ряду многочисленных образов тотемов животных и птиц присутствовала богиня-мать — Рогатая олениха (Апа марал) [Кафарлы, 1999].

Образ оленя-марала прослеживается, начиная с искусства скифов и гуннов и кончая поздними кочевниками Евразии [Окладников, 1974, с. 73], занимая важное место в мировоззрении и заупокойной обрядности тюркских племен [Эфенди, 2002, с. 78]. У турков образ марала был символом Солнца и ассоциировался с огнем. Так, Э. Алибекзаде ссылается на «табличку», находящуюся в музее Глозеля во Франции, где рядом с изображением фигуры марала имеется фраза, написанная на прототурецком алфавите: «поклоняются огню, чтя его единственным богом» [Алибекзаде, 1998, с. 179].

Следует отметить сохранившееся до наших дней разыгрываемое во время свадебных торжеств театрализованное представление maral оуупи (с азерб. — «танец оленя»), как «отголосок» ритуальных обрядов, изображений ритуалов с масками на петроглифах Гобустана. Этот ритуал, распространенный до сегодняшнего дня во многих регионах Азербайджана, а особенно среди жителей Кельбаджарского р-на (в наст. время находится под оккупацией), посвящен приходу весны и пробуждению природы. Так записал происходящее во время театрализованного представления азербайджанский ученый Алескер Алекперов: «актер заворачивает серп в ткань, к верхней части серпа привязывает две ложки, изображающие уши оленя, на которые навешены серебряные женские украшения. Далее становится на четвереньки, держа импровизированную голову за нижнюю часть серпа, укрывается большим платком, представляя туловище лежащего животню-

го» [Алекперов, 1960, с. 172]. Интересная деталь — «олень» держит в правой руке серп, что также соотносится с земледельчеством и пахотными работами. По нашему мнению, это «маралуха», а «украшения» только подчеркивают ее значимость. Под медленную музыку ашуга фигура «вползает в помещение и плавными движениями подражает движениям животного, иногда останавливаясь, снова продолжая танец, затем изображая уставшее животное, кладет голову на бок, как бы засыпая» [Там же], и потом снова пробуждается.

На кувшинах из Ханлара мы видим ритуальное действие, так как мотив ритуальной стрельбы из лука в солнце или в животных, символизирующих солнце, был связан с ритуалом — празднованием начала весны Новруз (Нового года). Аналогичный сюжет есть и в Гобустане (Беюкдаш, камень № 118) (ил. 2), а также встречается на Абшероне (ил. 3).

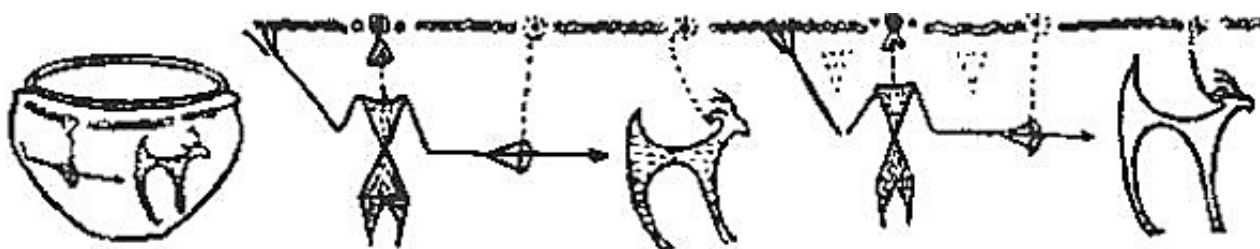
В конце марта созвездие Орион после захода солнца исчезает за западным горизонтом, и около трех месяцев звезды не видны глазу. Наверное, в этом и состоит его связь с Новрузом. В XX в. этнографы зафиксировали следующую традицию празднования окончания зимы, наступления весны и начала весенних полевых работ: в этот день открывали стрельбу, которая называлась *Novruzun toru atildi* (с азерб. — «попали в Новый год»). После подобного выстрела и празднования *ахэг зәгәәнбә ахюатэ* — «разведения костра в последнюю среду» — начинались сельскохозяйственные работы [Джавадова, Джавадов, 1984, с. 132].

Орион относится к зимним созвездиям, располагается высоко над горизонтом: летом он не виден, зимой с наступлением темноты хорошо виден на юге над горизонтом. Лучше всего наблюдается с ноября-декабря до середины апреля. Созвездие Орион можно легко увидеть в конце лета, осенью и зимой. Астральное мировоззрение наших предков ярко представлено на петроглифах Гямигая, в том числе и смена четырех времен года, где марал (олень) свидетельствует о начале лета, важного сезона для земледельческих племен. Гелиактический заход/восход созвездия Плеяд (*blkərlər*), время, когда они перестают быть видимыми на ночном небе или, напротив, появляются

после почти двухмесячного отсутствия, в самых разных традициях мира служил маркером начала нового сезона [Березкин, 2017, с. 22]. Наши предки обожествляли Орион и связывали его с плодородием. Можно акцентировать присущую ему тройственность: азербайджанцы различные периоды года характеризовали как *взь бизь уарэдэр* — «три наших врага» (зима), *взь сәппәт барэдэр* — «три райских сада» (весна), *взь уэрәб гәтириг* — «трое, собрав, приносят» (лето), *взь vurub dərәdәр* — «трое уничтожают» (осень).

Согласно народному календарю азербайджанцев, лето начиналось 22 июня в день летнего солнцестояния (самый продолжительный день) и делилось на две половины: первая — *qora bişirən* (с азерб. — «созревание», конец июля — время сбора дикого винограда для приготовления абгора) что соответствовало самому жаркому периоду. В этот период скотоводы завершали стрижку овец и ягнят, отделяли овцематок от баранов, а ягнят, наоборот, соединяли с овцематками, и начинали спускаться с гор; завершались некоторые сельскохозяйственные работы.

Вторая дата, связанная с появлением на небосводе созвездия Плеяд (*blkərlər*), называлось *quyuq doğdu* или *quzu qarışan*. В это время наступала середина лета — период, когда начинались соответствующие сельскохозяйственные работы: остывший ночной холодной воздух и роса делали влажной солому, которую легче было собрать, тогда же в горной и предгорной зонах Азербайджана начинали сев. Существовала народная поговорка: «Летом сей и летом жни» [Джавадова, Джавадов, 1984, с. 132]. *Quyuq doğdu* (*döndü*) (с азерб. — «застывание курдюка») пришло из скотоводческого хозяйства: «в первую половину лета топленый бараний жир (с азерб. *quyuq* — «курдюк»), оставленный на яйлагах на воздухе, не застывал; во вторую половину, к концу июля — начинал застывать: отсюда, по мнению специалистов, и произошло название [Там же]. В селах Нахичеванской зоны приступали к летней пахоте под озимые культуры, а в конце августа и первой половине сентября приступали к сбору меда, за что сентябрь назывался *ballı ay* («месяц меда») [Там же].

Ил. 5. Сосуд. Киликдагский могильник. Ханлар. II тысячелетие до н.э. [Гусейнова, 1989]

Fg. 5. Vessel. Kilikdag burial ground. Khanlar. 2nd millennium BC. Museum of Azerbaijan History [Guseynova, 1989]

С утренним восходом Ориона начиналась жатва и сбор винограда.

Исследуя этнографические материалы древних народов Центральной и Внутренней Азии, исследователи пришли к выводу о распространении «лунно-плеядного календаря» для культур с доминирующей скотоводческой традицией, смешанного скотоводческо-промыслового и скотоводческо-земледельческого типов [Содномпилова, Нанзатов, 2017]. Как отмечают исследователи, в «Азии представление о трех звездах Пояса Ориона как о трех копытных животных, в которых стреляет... охотник, характерны почти исключительно для монголов и тюрков. <...> Среди тюркских групп он зафиксирован у тарбагатайских казахов, киргизов, алтайцев, телеутов, теленгитов, шорцев, хакасов, тувинцев и тофаларов [Березкин, 2017, с. 92]. Сюжет, где речь идет о трех маралухах, которые, сохраняя числительное «три» и соотношение с тремя звездами Пояса Ориона, порой фактически описываются как одно копытное животное, близок характерному для тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, а также тибетцам. Нельзя

не согласиться с мнением Березкина о том, что «определить конкретные истоки и проследить развитие индоарийского сюжета невозможно, но его опосредованная связь с тюрко-монгольскими версиями сомнений не вызывает» [Там же]. Созвездие Орион как одно из самых ярких на небе с древности стало объектом поклонения и мифотворчества. Случайное ли совпадение, но схема этого созвездия идентична изображению на сосудах из Ханлара (первобытная стоянка (мезолит-неолит) на горе Киликдаг (ил. 4, 5); недалеко от города Ханлар), где мы видим изображения богини с луком, охотящейся на марала. Воспроизведенное изображение богини с луком напоминает схему созвездия Орион (ил. 6).

Н.Б. Дашиева акцентирует солярную символику культа Умай у народов Сибири, называвших три звезды Ориона «творящими Май» (Умай-энэ, Пай-она, Май-энэ, Майлган), так как их появление на предутреннем небе предвосхищало восход солнца, а «маралуха» — мать-прародительница [Дашиева, 2001]. Киргизы племени бугу вели свое происхождение от оленя или от рогатой матери: хотя на киргизском языке «бугу»

Ил. 6. Схема созвездия Орион (<https://www.blogdefteri.com/blog/pleiades-yildiz-kumesi-nasil-bulunur>)
Fig. 6. The Orion constellation (<https://www.blogdefteri.com/blog/pleiades-yildiz-kumesi-nasil-bulunur>)

— «самец оленя», своей прародительницей киргизы этого племени признали женщину, которая считалась «дочерью оленя» [Велиханов, 1984, с. 339]. Тотем «бугу» позднее перешел в шаманство: «киргизские племена представляют своего духа-покровителя не просто в виде белого оленя, а называют его своей матерью: «Белая олениха — моя мать» [Там же].

Выводы. Образ Верхнего мира в первобытном искусстве зачастую представлен в виде оленя или же коня. У многих индоевропейских народов существуют мифы, в которых образ оленя был воплощением небесного, чаще солнечного божества. На оленьих упряжках ездили многие шумерские, семитские, хеттские боги. Почти у всех палеосибирских народов сохранился миф, где охотник (на Алтае это Эрке — Когульдей, у эвенков — Мани, и т.д.), преследуя трех маралух (или оленей) и стреляя в них из лука, возносится на Небо, превращаясь в созвездие Орион. У южносибирских тюрков в солярном мифе созвездие Орион видится как три маралухи, за которыми гонится охотник [Симаков, 1998, с. 26]. Три самые яркие звезды Ориона (уч мыйгак — «три маралухи») — маралухи, вознесшиеся на небо, спасаясь от охотника, пустившего в них две стрелы и вместе с ними поднявшегося в небо [Зелинская, 2011]. В другом варианте одну из звезд считают собакой охотника, другую — стрелой, третью — беркутом, а звезды пояса Ориона — тремя маралухами [Там же]. Таким образом, можно предположить, что и на территории древнего Азербайджана есть следы культа Ориона. Кроме того, можно говорить о том, что корни культа оленя имеют место в древнейшем евразийском мифе о Небесном охотнике и Маралухе.

Олень, являясь общетюркским тотемом, имел общее символическое значение для всех древних народов. Проведенная реконструкция символики коня и оленя, семантическая связь между различными реализациями модели мира выявляет основы религиозно-космогонических традиций наших предков и дает возможность проследить древние мифологические истоки тюркской общности.

Материал передан в редакцию 30 апреля 2020 г.

Список литературы

1. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. — Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1960. — 360 с.
2. Алибейзаде Э.М. История духовной культуры азербайджанского народа (Доисламский период). Баку: Гянджлик, 1998. — 524 с.
3. Березкин Ю.Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — 316 с.
4. Велиханов Ч. Собрание сочинений. В 5 томах. — Т. 1. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — 432 с.
5. Гаджиева А.Т. Архаическая модель мироздания в материальной культуре Азербайджана. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. — 164 с.
6. Головченко Н.Н. Типология кожаных и войлочных головных уборов носителей пазырыкской культуры // Вопросы исторической науки: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, январь 2012 г.). — М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. — 94 с. — С. 83–85.
7. Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // Вестник древней истории. — 1992. — № 4. — С. 5–12.
8. Гусейнова М., Ахундов Т. На колесницах в поисках бессмертия // *IRS-Azerbaijan*. — 1999. — № 1. — С. 57–60.
9. Гусейнова М.А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа XIV–IX вв. до н.э. — Баку: Элм, 1989. — 126 с.
10. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). — Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. — 299 с.
11. Джавадова Э.Ю., Джавадов Г.Д. Народный земледельческий календарь и метеорология азербайджанцев в XIX — начале XX в. // Советская этнография. — 1984. — № 3. — С. 128–134.
12. Джафарова Д.Г. Возникновение военного дела в Карабахе эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Баку: Игтисад Университети, 2012. — 170 с.
13. Зелинская Е.А. Мифы тюркских народов Сибири о небесных светилах // Молодой ученый. — 2011. — № 4(27). — С.157–159.
14. Иванов П.В. Сотериологические аспекты митраизма // Серия «Symposium», Образ рая: от мифа к утопии. — Вып. 31. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С. 83–86. — URL: <http://anthropology.ru/ru/text/ivanov-pv/soteriologicheskie-aspekty-mitraizma>
15. Кафарлы Р.О. Миф и сказка. Баку: Изд-во АГПУ, 1999. — С. 29–33.
16. Мухтаров Н.М., Сурхаев М.М. О грунтовом погребении близ поселка Дашюз // Труды конфер., посвященной 80-летию академика И. Алиева. — Баку: Элм, 2004. — С. 26–31.
17. Нейматова М.С. Мемориальные памятники Азербайджана. Баку: Элм, 1981. — 39 с.
18. Окладников А.П. Петроглифы Байкала

— памятники древней культуры народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974. — 168 с.

19. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. В 2 ч. — Ч. 2. — Л.: Наука, 1970. — 115 с.

20. Пиотровский Б.Б. Дополнение к статье Я.И. Гуммеля // Вестник древней истории. — 1992. — № 4. — С. 12–15.

21. Погребова М.Н. Памятники лчашенского типа. Особенности культуры восточного ареала // Древность: историческое знание и специфика источника: сборник материалов междунар. науч. конф., посвящ. Э.А. Грантовскому и Д.С. Раевскому. — Вып. IV. — М.: Институт востоковедения РАН, 2009. — С. 114–116.

22. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М.: Наука, 1977. — 184 с.

23. Рзаева С. Символ коня в искусстве доисламского периода Азербайджана // Культура народов Причерноморья. — 2011. — № 199. — С. 197–200.

24. Рустамов Д., Мурадова Ф. Раскопки в Гобустане // Археологические открытия 1970 года. — М.: Наука, 1971. — С. 390.

25. Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М. Гобустанская экспедиция в 1979 г. // Сборник: Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1979 г.) — Баку: Элм, 1984. — 119 с. — С. 7–9.

26. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в средней Азии (ритуальный и практический аспекты). — СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. — 320 с.

27. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Представления о холодном и теплом сезонах в мифологии монгольских и тюркских народов и роль астральных объектов в формировании календарной системы // Вестник Томского государственного университета. — 2017— № 422. — С. 166–171.

28. Фараджева М. Наскальное искусство Азербайджана. — Баку: Азполиграф, 2009. — 319 с.

29. Халилов М. Древние каменные изваяния Южного Кавказа // IRS-Наследие. — 2003. — № 8. — С. 12–13.

30. Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской археологии (Материалы и исследования археологии СССР. № 115). — М.: ИА АН СССР, 1962. — С. 194–195.

31. Эфенди Р. Каменная пластика Азербайджана. — Баку: Ишиг, 1986. — 116 с.

32. Эфенди Ф. Этнознание турецких народов и их искусство. — Баку: Нурлан, 2002. — 160 с.

References

1. Alekperov A.K. Issledovaniya po arheologii i jetnografii Azerbajdzhana [Researches on archeology and ethnography of Azerbaijan].

Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR, 1960. 360 p. (In Russ.)

2. Alibeyzade Je. Istorija material'noj kul'tury azerbajdzhanskogo naroda [The history of the spiritual culture of the Azerbaijani people]. Baku: Elm, 1998. 524 p. (In Russ.)

3. Berezkin Ju.E. Rozhdenie zvezdnogo neba: predstavlenija o nochnyh svetilah v istoricheskoj dinamike [The birth of the starry sky: ideas about the night luminaries in historical dynamics]. Saint-Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2017. 316 p. (In Russ.)

4. Chlenova N.L. Skifskij olen' [Scythian deer]. In: Pamyatniki skifo-sarmatskoj arkheologii (Materialy i issledovaniya arkheologii SSSR. No 115). Moscow: MAE RAN, 1962. Pp. 194–195. (In Russ.)

5. Dashieva N.B. Kalendar' v tradicionnoj kul'ture burjat (opyt istoriko-jetnograficheskogo i kul'turno-geneticheskogo issledovaniya) [Calendar in traditional culture of buryatian people (experience of historical-ethnographic and cultural-genetic research)]. Moscow-Ulan-Udje: East Siberian State Institute of Culture. 2001. 299 p. (In Russ.)

6. Dzhafarova D.G. Vozniknovenie voennogo dela v Karabahe jepohu pozdnej bronzy i rannego zheleza [The emergence of military warfare in Karabakh at the era of Late Bronze and Early Iron]. Baku: Igtisad Universiteti, 2012. 170 p. (In Russ.)

7. Dzhavadova Je.Ju., Dzhavadov G.D. Narodnyj zemledel'cheskij kalendar' i meteorologija azerbajdzhancev v XIX — nachale XX v. [National agricultural calendar and meteorology of Azerbaijanis in the 19th — the early 20th centuries]. Sovetskaya etnografiya. 1984. No 3. Pp. 128–134. (In Russ.)

8. Efendi F. Etnosoznanie tureckih narodov i ih iskusstvo [Ethnic Consciousness of the Turkish peoples and the Art]. Baku: Nurlan, 2002. 160 p. (In Russ.)

9. Efendi R. Kamennaja plastika Azerbajdzhana [Stone plastic of Azerbaijan]. Baku: Ishig, 1986. 116 p. (In Russ.)

10. Faradzheva M. Naskal'noe iskusstvo Azerbajdzhana [Rock art of Azerbaijan]. — Baku: Azpoligraf, 2009. — 319 p. (In Russ.)

11. Gadzhieva A.T. Arhaicheskaja model' mirozdanija v material'noj kul'ture Azerbajdzhana [Archaic model of the universe in the material culture of Azerbaijan]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 164 p. (In Russ.)

12. Golovchenko N.N. Tipologija kozhanyh i vojlochnyh golovnyh uborov nositelej pazyrykskoj kul'tury [Typology of leather and felt hats of the Pazyryk culture bearers]. In: Voprosy istoricheskoj nauki. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Moscow: Vash poligraficheskii partner. 2012. Pp. 83–85. (In Russ.)

13. Gummel Ja.I. Raskopki k jugo-zapadu ot Hanlara v 1941g. [Excavations southwest of Khanlar in 1941]. Vestnik drevnej istorii. 1992. No 4. Pp. 5–12. (In Russ.)
14. Gusejnova M, Ahundov T. Na kole-snicah v poiskah bessmertija [On chariots in search of immortality]. IRS-Azerbaigan. 1999. No 1. Pp. 57-60. (In Russ.)
15. Gusejnova M.A. Keramika Vostochnogo Zakavkaz'ja epohi pozdnej bronzy i rannego zheleza XIV–IX vv. do n.e. [Ceramics of the East Transcaucasia at the Late Bronze and Early Iron Ages in the 14th — 9th centuries BC]. Baku: Elm, 1989. 126 p. (In Russ.)
16. Halilov M. Drevnie kamennye izvjaniya Juzhnogo Kavkaza. [Ancient stone sculptures of the South Caucasus]. IRS-Nasledie. 2003. No 8. Pp. 12–13. (In Russ.)
17. Ivanov P.V. Soteriologicheskie aspekty mitraizma [Soteriological aspects of Mithraism]. In: Seriya «Simpozium». Obraz raja: ot mifa k utopii. Iss. 31. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2003. Pp. 83–86. (In Russ.) URL: <http://anthropology.ru/ru/text/ivanov-pv/soteriologicheskie-aspekty-mitraizma>
18. Kafarly R.O. Mif i skazka [Myth and tale]. Baku: Azerbaijan State Pedagogical University, 1999. Pp. 29–33. (In Russ.)
19. Muhtarov N.M., Surhaev M.M. O grun-tovom pogrebenii bliz posjolka Dashjuz [About the ground burial near the village of Dashyuz]. In: Trudy konferentsii, posvjashhjonnoj 80-let-iju akademika I. Alieva. Baku: Elm, 2004. Pp. 26–31. (In Russ.)
20. Neymatova M.S. Memorial'nye pam-jatniki Azerbajdzhana [Memorial monuments of Azerbaijan.]. Baku: Elm, 1981. 39 p. (In Russ.)
21. Okladnikov A.P. Petroglify Bajkala-pam-jatniki drevnej kul'tury narodov Sibiri [Petroglyphs of Baikal —monuments of the ancient culture of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 168 p. (In Russ.)
22. Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. Petroglify Zabajkal'ja. V 2-h chastyah. [Petroglyphs of Transbaikalia]. Pt.2. Leningrad: Petersburg. Nauka, 1970. 115 p. (in Russ.)
23. Piotrovskij B.B. Dopolnenie k stat'e Ja.I. Gummelja [Addition to the article by Ya.I. Gummel]. Vestnik drevnej istorii. 1992. No 4. Pp. 12–15. (In Russ.)
24. Pogrebova M.N. Pamjatniki Ichashenskogo tipa. Osobennosti kul'tury vostochnogo areala [Monuments of the Lchashen type. Features of the culture of the eastern range]. In Drevnost': istoricheskoe znanie i specifika istochnika. Sb. Mater. Mezhdun. nauchnoj konf., posvjashh. Grantovskomu i Raevskomu. Iss. IV. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2009. Pp. 114–116. (In Russ.)
25. Pogrebova M.N. Iran i Zakavkaz'e v rannem zheleznom veke [Iran and Transcaucasia in the Early Iron Age]. Moscow: Nauka, 1977. 184 p. (In Russ.)
26. Rustamov D., Muradova F. Raskopki v Gobustane [Excavations in Gobustan]. In: Arheologicheskie otkrytija 1970 goda. Moscow: Nauka, 1971. P. 390. (In Russ.)
27. Rustamov D.N., Muradova F.M. Gobustanskaja jekspedicija v 1979 g. [Gobustan expedition in 1979]. In: Arheologicheskie i jetnograficheskie izyskanija v Azerbajdzhane (1979 g.) Baku: Elm, 1984. Pp. 7–9. (In Russ.)
28. Rzaeva S. Simvol konja v iskusstve doislam kogo perioda Azerbajdzhana [Symbol of horse in the art of the pre-Islamic period of Azerbaijan]. Kul'tura narodov Prichernomor'ja. 2011. No 199. Pp. 197–200. (In Russ.)
29. Simakov G.N. Sokolinaja ohota i kul't hishnyh ptic v srednej Azii (ritual'nyj i prakticheskij aspekty) [Falconry and the cult of birds of prey in Central Asia (ritual and practical aspects)] Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998. 320 p. (In Russ.)
30. Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. Predstavlenija o holodnom i teplom sezonah v mifologii mongol'skih i tjurkskih narodov i rol' astral'nyh ob#ektov v formirovanii kalendarnoj sistemy [Representations of the cold and warm seasons in the mythology of the Mongolian and Turkic peoples and the role of astral objects in the formation of the calendar system]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No 422. Pp. 166–171. (In Russ.)
31. Velihanov Ch. Sobranie sochinenii v 5-ti tomakh [Collection of works in 5 volumes]. Vol. 1. Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii, 1984. 432 p. (In Russ.)
32. Zelinskaya E.A. Mify tjurkskih narodov Sibiri o nebesnyh svetilah [Myths of the Turkic peoples of Siberia about celestial bodies]. Molodoj uchenyj. 2011. No 4(27). Pp. 157–159. (In Russ.)

Список сокращений

- АГПУ — Азербайджанский государственный педагогический университет
 ВСГАКИ — Восточно-Сибирский государственный институт культуры
 ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук Советского Союза Социалистических Республик
 МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук